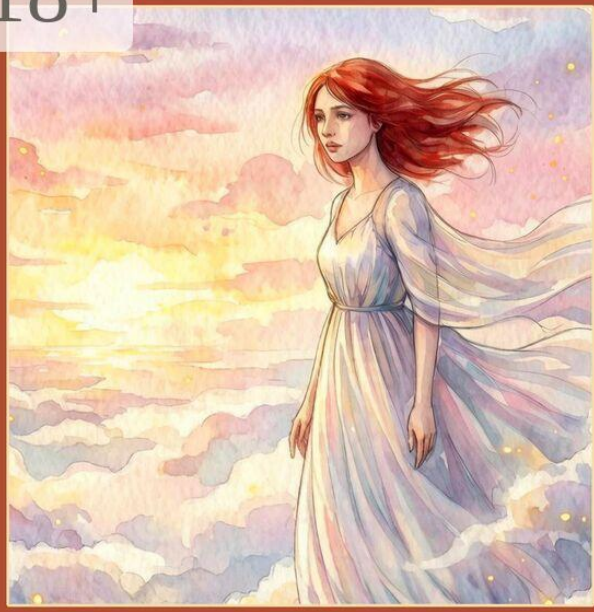
18+

ЕЛЕНА ЯНГЕ

ЗДРАВСТВУЙ, ОТЕЦ

роман взросления, сказочная повесть

Елена Янге
Здравствуй, Отец

https://litres.ru/74761449
ISBN 9785007156196

Аннотация

Роман «Здравствуй, Отец» — продолжение нашумевшего романа «Транс», финалиста премии «Ясная Поляна», который в настоящее время готовится к переизданию и своему второму рождению.

Главная героиня романа больна ДЦП. Таша погружается в транс, и неведомые миры помогают выжить, где функция тела минимальна. А в реальной жизни Ташу окружают добрые и творческие люди, которые нуждаются в ее участии, так Таша становится соавтором сказочной повести «Приключения в Стране Чувств».

Содержание

Предисловие 7
Часть I. Ниточка света 10
Глава 1. Письма матери 10
Глава 2. Ноябрь 2011 15
Глава 3. Декабрь 2011 24
Транс 39
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Здравствуй, Отец

Елена Янге

«Быть несчастным — это привычка.
Быть счастливым — это тоже привычка.
Выбор за вами».
(Том Хопкинс)

Корректор Виктория Лакбильд
Дизайнер обложки Маргарита Пальшина

© Елена Янге, 2026
© Маргарита Пальшина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-5619-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда вышел роман «Транс», посыпались отзывы в «Лабиринте», на «Озон», LiveLib, Bookmix. Роман заметили, похвалили, для многих он стал настольной книгой. Да-да, мне писали не раз: «прочла, начала снова». Надо признаться, лучшая характеристика для романа, ибо говорит о многогранности смыслов. С первой главы я понимала, «Транс» не книга для пляжа или скоротать время в дороге; мой роман — для чутких. Для тех, кто в Пути. Им — мое посвящение.

Я рада, что написала «Транс», ибо понимаю, этот роман нужен всем — молодым, старым, больным и здоровым. Он говорит о том, что каждый из нас — Свет. С ним мы приходим, с ним уходим. А Тьма материальна, она — наносная, она нужна, чтобы обозначить границы, ведь жизнь на Земле дуальна. В ней есть верх и низ, любовь и ненависть, зло и добро, радость и грусть.

«Книга станет путеводной звездой для людей ищущих, а особенно для тех, кто только начал осознанную жизнь, поиск своего истинного «Я».

Елена Янге пишет о внутреннем свете, о том, что мы все, по большому счету «другие», о том, что внутренний мир важнее внешнего.

В романе «Транс» много света, мечты и снов.

Это роман — притча. О взрослении, о взлетах и падениях — о жизни. Роман предназначен не только для подростковой аудитории, он понравится и взрослым. Ведь жизнь — это и есть взросление. Как только человек перестает стремиться к непознанному, развиваться и расти, он перестает жить по-настоящему. А «Транс» учит быть счастливым, несмотря ни на что, после книги остается долгое — глубокое ощущение света, который тебя никогда не покинет. Потому что наш мир — прекрасен, и каждый нужен.

Очень порадовало окончание романа, мудрая душа — Андрей, сказки и притчи. Впечатление от прочтения — радужное, тёплое.

Рекомендую родителям читать вместе с детьми, роман, как и «Маленький принц» Экзюпери, способен покорить мыслящих, чувствующих, стремящихся к свету людей, независимо от возраста.

Такие книги сегодня — редкость».

Маргарита Пальшина,
книжный рецензент, писатель,
лауреат премии Золотое Перо Руси

«Это сильно. Это — чисто. Это важно для БЕЗНАДЕЖНЫХ, но не только для них. Это — утешение. Это вещь очень нервная, тонкая, по такой грани — между бытием, сном, болью, любовью — идти всегда очень страшно… но Елена Янге это сумела. И у этой книги будут благодарные читатели… Уверена! Это — Путь!»

Елена Крюкова,
писатель, поэт, искусствовед

Предисловие

Как говорят индейцы, у души не бывает радуги, если в глазах не стояли слёзы. Я плакала много лет и наконец увидела радугу. Её свет озарил тьму, и та двинулась к выходу. Меня заполнила пустота.

— Если к бытию не приставить мотив, жизнь не имеет смысла, — как-то сказал Андрей.

У меня не было ни мотива, ни смысла жизни. Были только страдания. Я походила на дерево, сваленное бурей. Но где-то внутри уже пробивался росток. Он зацепился за корень и потянулся вверх… Дальше — как в сказке Козлова:

«Я обязательно приду к тебе, что бы ни случилось. Я буду возле тебя всегда.

Ёжик глядел на Медвежонка тихими глазами и молчал.

— Ну что ты молчишь?

— Я верю, — сказал Ёжик».

И я теперь верю. Прежде всего в то, что безвыходных ситуаций не бывает. Мне помогли трансы. В них я карабкалась на стену, ела кашу из жита, разговаривала с Ангелом. И меня озарил свет. Тот, которого раньше не было. Почему — не знаю. Может, тьма закоптила сознание, может, свет летел по касательной.

— Тело — не главное, — учил Андрей. — Главное — ду-

ша. Именно она строит вектор развития. Тебе осталось выбрать занятие, где функция тела минимальна. И всё наладится.

Со временем я нашла такое занятие. А дальше — как в сказке.

Я встала и пошла.

Теперь я могу умыться, сварить кофе, могу выйти на улицу. Сама выйти, без посторонней помощи. Мой мир приобрёл длину, ширину и высоту. Раньше высоты не было. Большую часть дня я лежала на ковре и жалела себя.

«Не человек, а червяк, — думала я. — Движение — через боль, желание — через просьбу».

«Уходи», — говорила я матери.

И мать уходила. Всё дальше и дальше. А потом ушла навсегда.

Знаешь. Я видела во сне, как ты летаешь,
Как бережно ты к небу приникаешь
Метущейся нежною душой. Таешь.
Меня одну на свете оставляешь,
Я видела во сне, как ты летаешь,
Ты издали махнула мне рукой.

«Мама», «мамочка», «мамуля» — так я звала мать только в детстве. Позже — коротко: «мать».

Мама, прости!

Теперь я изменилась. Радуюсь жизни, пытаюсь делать добро, по вечерам гуляю с Аниным сыном. Да-да, Аня родила. Сейчас Алёше восемь месяцев. Удивительный мальчик. Розовощёкий, с голубыми глазами. Его взгляд будто говорит: «И здесь чудо, и там. Оно везде».

Всё верно, в мире много чудес. И сказок много. А в сказках, как в жизни: есть путь, испытания, выбор. Как же без выбора?

— Налево пойдёшь — коня потеряешь,
Направо пойдёшь — жизнь потеряешь,
Прямо пойдёшь — жив будешь, да себя позабудешь.

Последнее, на мой взгляд, самое страшное.

Часть I. Ниточка света

Глава 1. Письма матери

В комнату матери я заглянула спустя месяц после её смерти. Раньше не могла. Все эти дни я лежала на диване и тупо смотрела в окно. Ни мыслей, ни эмоций — одна пустота. Андрей заходил часто. Как правило, он садился на диван, брал меня за руку и что-то говорил. Я видела движение губ Андрея, но слов не понимала. То ли не слышала, то ли не впускала в себя.

Аня была рядом всегда. Она вспоминала мать, пыталась утешить, хвалила Андрея: дескать, хороший мужик, заботится о нас, предлагает переехать на дачу. Анины слова до меня долетали, но я на них не отзывалась. Мне было всё равно. Я чувствовала себя больной, потерянной, никому не нужной.

Через месяц я стала приходить в себя, и в голове появилась мысль: надо заглянуть к матери. Наконец я решилась. Осторожно открыв дверь, замерла на пороге. Широкая кровать, шкаф, итальянское бюро. Рядом с кроватью валялась сумка. Из неё торчал ноутбук. Я достала компьютер, поставила на зарядку. На экране появилась картинка: на склоне горы — девушка. Вернее, так: девушка была частью горы. С

длинных волос струились ручьи, грудь освещало солнце. На груди девушки лежала папка «Письма Отцу». Раскрыв её, я увидела файлы: 2009, 2010, 2011.

«Странно, — подумала я. — Кому предназначены письма? Ведь дедушка умер в 1989 году».

Открыв первый файл, я приступила к чтению.

25 июля 2009 (утро)

«Здравствуй, Отец!

Видела странный сон: будто в комнате кто-то есть. Дальше я раздвоилась. Одна «я» лежала на кровати, другая смотрела со стороны. Шёлковое постельное бельё, кружевная сорочка. Я — бледная, словно покойница, только ресницы дрожат. И тут появился мужчина. На теле — белый хитон, волосы до плеч, на ногах — сандалии. Второе «я» наблюдало за ним из-за угла.

Мужчина сел на кровать, поправил подушку. Возник эффект переключения камеры. Крупным планом — большие глаза. Из них лился свет. Яркий поток света. Трудно передать ощущения. Мурашки по коже, за ними — тепло и покой. Словно вышла на берег и посмотрела вдаль. Далёкий горизонт, синяя гладь, тихий плеск волн. Крик чайки нарушил тишину. Крик вернул меня к жизни. Я села на гальку. Чайка сновала вверх-вниз, снова вверх…

«Мечется, как человек», — подумала я.

Взгляд устремился туда, где птицы не летают. И я уви-

дела те же глаза. Большие, миндалевидные.

«Ты не одна, — сказали глаза. — Я с тобой». Душа всколыхнулась.

— Кто Ты? Бог, Учитель, Творец?

— Я — Отец.

— Господи!!!

— Спрашивай, говори, пиши. Не замыкайся в себе.

Я растерялась.

— Так взять и заговорить???

Глаза улыбнулись.

— Именно так.

— Я не знаю молитв…

— Предпочитаю то, что льётся из сердца.

Проснувшись, я огляделась. Всё как всегда: шкаф, кровать, кресло, торшер. По полу бежал солнечный луч. Видно, пробился сквозь шторы. Луч дрогнул, вскочил на трюмо и засверкал. На зеркале повисла радуга. Отразившись на потолке, радуга упала прямо на подушку. Значит, рассвет».

Забыв о времени, я листала страницу за страницей и наконец добралась до последнего письма.

27 августа 2011

Здравствуй, Отец!

Невыносимая боль. Не пойму, где болит. Позвоню Андрею.

28 августа мать умерла.

Я нажала кнопку «печать». Из принтера полетели листы. Они опускались на ковёр, как ворох осенних листьев. Казалось, это куски материнской души. Непонятой, недолюбленной. Прежде всего мной — её единственным ребёнком.

С кровати сполз пеньюар. Уткнувшись в него, я вошла в сказочный лес. Запах мха, осени, сосновой смолы. Я иду за закатным лучом, в руке — саквояж. Клетчатый, с золотистым замком. Ветки рябины бьют по лицу.

Знаю, надо спешить. Ноги — словно пружины. Р-а-а-аз. Оттолкнулась. Неужели лечу?

Среди деревьев появилась спираль. Будто змея. Встала на хвост, потянулась к небу.

— Лечу-у-у-у! — крикнула я.

Саквояж раскрылся. Белый водопад из страниц.

— М-а-а-а-ма-а-а-а!

Синь превратилась в бархат. Ярко блеснув, исчезла.

***

Вечер. Опять одна. Лушка на подоконнике. Облако. Прильнуло к стеклу. Смотрит на меня.

Придвинула к себе ноутбук. Опустила на клавиатуру пальцы. Открыла новый файл.

И, не промазав ни разу, написала:

«15 ноября 2011 г.

Здравствуй, Отец! Это я — Таша».

Подумав немного, продолжила:

«На мне — клеймо, имя ему — ДЦП.

За что наказали?

Зачем?

Мой мир — кошка Лушка, помощница по хозяйству Аня и бывший друг матери Андрей.

Моя мечта — ходить.

Счастье — это просто ходить.

Нет поручней, чтобы сесть на горшок, нет запаха испражнений, нет унижений.

Вот оно — счастье.

Сейчас услышу: «Счастье — это когда тебя понимают». Так рассуждают те, кто имеет подвижное тело. А у меня его нет. К тому же мне наплевать, понимают меня или нет. Без понимания прожить можно, а вот попробуйте прожить лёжа».

Глава 2. Ноябрь 2011

16 ноября

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Видела сон. Или вошла в транс?

Сначала слышала музыку. Пела одинокая флейта. Светло и грустно одновременно. Музыка шла сверху. Она бередила душу, звала. Я подошла к окну. Ясное небо, луна, россыпь звёзд. Одна из звёзд мигнула. Дескать, иди ко мне.

— Как? — беззвучно спросила я.

Звезда выпустила луч. Он дрогнул и побежал. Движение луча совпало со стуком моего сердца. «Тук-тук» — импульс, «тук-тук» — вперёд. Луч добежал до Земли и, пролетев над рекой, зацепился за подоконник. Окно распахнулось, и я полетела.

Меня сопровождал женский голос:

— Кто в этом теле — не понять,
И думой душу не обнять,
И сердцем не постичь.
Моё неведомое я,
Душа заблудшая моя,
На мой откликнись клич…

Голос пропал, и я увидела Ангела.

— Здравствуй, Таша, — сказал Ангел.

Я опустилась на полупрозрачную ладонь и, заглянув в глаза Ангела, увидела своё отражение. Странное, непонятное. Я походила на клубок. Его нити переливались всеми цветами радуги. Казалось, среди них прятался луч.

— Помнишь разговор? — спросил Ангел.

Луч выпустил импульс. На небе появилась картинка.

Ночь, облако, звёздная пыль. На облаке — Ангел. Я сижу на полупрозрачной ладони и смотрю на мерцающий шар.

— Тебе пора, — сказал Ангел.

— Я боюсь.

— Скоро вернёшься.

— Когда скоро?

— Лет через восемьдесят.

— Можно останусь с тобой?

— Нет.

— Почему?

— Ты — в пути.

И я полетела.

Воздух наполнил грудь, и я закричала. Тут же услышала голос:

— Таша. Девочка моя!

«Ясно. Я родилась».

Женское лицо пропало. Послышались звуки гитары. Первый аккорд, второй… и за вступлением голос Андрея:

— И, словно снежинки, в ночной тишине
Хорошие сны прилетают ко мне.

20 ноября

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Аня права: большую часть своей жизни мать плутала в лесу. Падала, вставала, переходила с тропки на тропку. Наконец вышла из леса. И получила в подарок любовь. Однако насладиться любовью не успела. И здесь ей не повезло.

Теперь понимаю: я была путами. Неудивительно, что мать любила стихи. Поэзия приподнимала её над землёй, а я возвращала в рабство.

Какая же я дрянь!

Мать ушла, я превратилась в ничто. Жалкое, мелкотравчатое.

22 ноября

Здравствуй, Отец!

Хорошо помню 19 марта 2011 года. Для меня тот день был переломным. Мать ушла на работу, я осталась одна. Было слышно урчание холодильника, тиканье часов, бульканье в батареях. Лушка зашла в комнату и, не взглянув на меня, прыгнула на подоконник.

«Вот стерва. Интересно, о чём она думает? Или не думает

вовсе? Смотрит на дождь и слушает перестук».

— Луша, — позвала я.

В уме всё правильно, а прозвучало «У-ша». Точнее, что-то невообразимое. Не получилось ни «ш», ни «у». Оторвавшись от окна, Лушка повернулась в мою сторону. Дескать, тебе чего?

— Кис, — выдавила я.

Хотелось тепла.

Я попыталась улыбнуться. И это не получилось. Вместо улыбки — гримаса. Лушка спрыгнула с подоконника и, посмотрев на кефир, легла на мои ноги. Стало тепло. Мягкая шерсть, урчание, присутствие живого существа. Возникла иллюзия, что меня любят.

Раскинув лапы, Лушка задремала. Вот лентяйка. Два-три движения — и спит. Мне бы так. Диван, поддон, миска, а между ними — сон. И так всю жизнь. Может, я что-то не понимаю? Может, Лушка не спит? Уткнулась в живот и думает: «Вот колода. И чего развалилась? Встала бы, походила, как все…».

Щёлкнул замок. Аня пришла. Слышно, как встряхнула зонт, как пошла в туалет… Приподняв голову, Лушка взглянула на дверь.

Аня вошла в комнату. Румяная, светловолосая, толстая. Всё в обтяжку: кофта, брюки, жилет.

— Таш, привет. Позавтракала?

Лушка встрепенулась.

«Ясно. Мать её не кормила».

— Так не годится. Кефир не выпила, круассан не съела.

Аня присела на корточки и коснулась меня коленом. Запахло дождём.

— Хандришь?

Я вздохнула.

— Сейчас сварю бульон.

Бульон — моя слабость. Прозрачный, с золотыми бляшками, с веточкой базилика. Что говорить, радость. Мать этого не понимает. Боится, что поправлюсь, тогда меня не поднять.

Аня пошла на кухню. На пороге остановилась.

— Писать не хочешь?

Я покачала головой.

«С чего мне писать? Пью мало, ем ещё меньше».

— Таш, не ворчи, — ласково сказала Аня.

Я криво улыбнулась.

«Переживает за меня. А ведь переживание в её обязанности не входит. Мать платит за уборку, готовку, уход».

Я упёрлась в диван. Почуяв еду, Лушка выскочила на кухню.

«Ну и пожалуйста. Без тебя обойдусь».

Пальцы не слушались, однако удалось зацепиться за подушку. Осталось переместить её к ногам. Судорожные движения разогрели кровь.

«Вот и хорошо. Получилось. Теперь можно почитать».

Я пододвинула книгу, которую оставила мать, и перевернула несколько страниц. Медитация, транс, сон… Нет, это не моё.

Из книги вылетел листок и, ткнувшись в бедро, приоткрылся. Я увидела незнакомый почерк, мелкие корявые буквы.

«Лариса, оставляю свои впечатления. Скажу откровенно: я — в шоке. Подробности при встрече, здесь только эмоции и мои ощущения. Теперь понимаю, как увлекательны эти занятия. Целую, Андрей».

Далее — краткий рассказ:

«Впал в состояние транса. Был женщиной. Появились новые желания. Захотелось вилять задом, жмуриться, поглядывать из-под ресниц, томно вздыхать. Чёрт-те что. Ощущение, что схожу с ума. Тем не менее пошёл дальше. Понял, что должен (вернее, должна) кого-то соблазнить. Кого — не видел. Думаю, это неважно. Слышал свой голос, видел плавные движения рук, ощущал мощные удары сердца. Испугался последствий, вышел из транса. К чему приведёт опыт, не знаю. Возникла мысль: женщина желает быть объектом сексуального желания. Не обиделась?»…

Дальше было густо замарано. Но мне хватило и этого. Я получила подтверждение: у матери есть любовник.

Мысли зажужжали, как мухи. Я ощутила Событие. Именно так — событие с большой буквы. У меня закружилась голова. Хотелось одного — подумать.

«О чём?» — спросите вы.

О многом. Во-первых, о матери. До этого дня мать принадлежала мне. Теперь же в её жизни появился мужчина. Могу допустить, мужчины были и раньше. Но если и так, то за пределами моей жизни. Да-да, мужчин я не знала, не видела, не ощущала. В нашей квартире их не было. А теперь есть. Некий Андрей спрятался в записке и, судя по всему, влияет на мать. И на меня тоже. Как это у него? Вошёл в транс.

Интересно, как?

«Прочти, некоторым помогает», — положив книгу рядом со мной, сказала мать. Может, и помогает. Ясно одно: записка появилась случайно. Я свою мать знаю, душу она никому не откроет.

— Бульон готов.

Аня вошла в комнату и улыбнулась.

— Наваристый. И базилик положила.

Я поняла, что хочу есть.

— Сначала умоемся.

Схватив меня, Аня направилась в ванную. Сорок пять килограммов для неё — не проблема. Думаю, подняла бы шестьдесят.

— Помоем личико, почистим зубки…

Я сидела на Аниных коленках и дёргалась, пока Аня меня умывала, причёсывала, вытирала полотенцем.

— Глянь на свои глазки, — сказала она. — Краси-и-и-вые.

Посмотрев на себя, я отвернулась. Ничего хорошего. В моих глазах — боль и тоска.

— Теперь кушать.

Аня отнесла меня в комнату, накормила, вытерла рот, положила на диван и, прикрыв пледом, оставила одну.

Наконец-то. Что ни говори, жизнь — это суета.

25 ноября

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Время — странная штука. Оно может стоять, идти и бежать. Я знаю это по опыту. Когда сидела в болоте, время стояло. Дни сменялись ночами, люди рождались, влюблялись… а я, одинокая змея, шипела на весь мир. После знакомства матери с Андреем время пошло.

Я оказалась на берегу, солнце согрело душу, и вместо змеи появилась лягушка. Она квакала во всю глотку и смотрела на небо. Там и увидела буквы, сложившиеся в три предложения: «Старые мысли, как листья. Сбросив их, войдёшь в новую жизнь. Только так, не иначе».

С мыслями трудно расстаться. Спасибо Ане, Андрею. Помогли, подтолкнули. Тяжело развернувшись, мысли направились к выходу. Они надеялись, что позову.

Как бы не так.

Это было в августе 2011 года — незадолго до смерти матери. Тогда мне приснился сон.

Зима, мороз. Я стою среди деревьев и озираюсь по сторонам. В лесу никого, даже вороны улетели. И вдруг появился Медвежонок.

— Не горюй, — сказал Медвежонок и обнял меня за плечи. — Все мы одни.

Услышав эти слова, мне стало так хорошо, что по щекам потекли слёзы. Мы с Медвежонком стояли среди леса и плакали. Почему плакали, трудно сказать. И тут из кустов вылез Ёж. Он был одет по-зимнему. На колючках — телогрейка, на ногах — валенки.

— Привет, — сказал Ёж.

— Привет, — ответили мы с Медвежонком.

— Знаете, кто вы для меня? Вы — самые-самые лучшие из всех, кто есть на земле.

До чего хорошо сказал!

Помню, мелькнула мысль: может, моё место в лесу? Светлая поляна, тридцать комариков, сорок лунных зайцев, белая лошадь в тумане.

Глава 3. Декабрь 2011

7 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Книгу, в которой лежала записка, я читала неделю. Дни сменялись ночами, мать приходила и уходила, а я постигала то, что мне приносило облегчение. Появилось подобие интереса.

«Что дальше? А вдруг…?!»

Восклицательный знак пронзал мозг, мысли приходили в движение. Тревожно и сладко одновременно. Чтобы отвлечься, я доставала записку.

«Впал в состояние транса. Был женщиной. Появились новые желания».

Эти слова будоражили воображение и дарили надежду.

«Если ему удалось, значит, бывает. Надо понять, и тогда…».

Что тогда? Встану, пойду? Нечего даже мечтать. А может, увижу мир? Какой он? Не тот, что рядом, — другой. Тот, что наполнен жизнью.

«Некоторым помогает», — сказала мать.

Значит, слышала, обсуждала. Эта мысль заставляла перелистывать страницы одну за другой.

«*Тело засыпает, разум бодрствует. Вы постепенно вхо-*

дите в транс».

Ну же, скорее. Пусть моё тело заснёт. Пусть я пойду. В мечтах, во сне — неважно.

«Вы теряете осознанность, тело становится уютным».

У меня нет уютного тела. Ни днём, ни ночью. Неловкое, малоподвижное — да. А уютное…

Я осмотрела комнату. Диван, стол, комод, ноутбук… Ни одного яркого пятна. Разве что картина. Её подарила мать. На картине море. Видимо, шторм. На переднем плане — волна, заборонённый гребень. Под волной — лодка, в ней — рыбак. Руки подняты, в глазах ужас. Рыбак понимает: волна — это смерть. Его смерть. Неотвратимая, с космами по плечам. Выглянув из воды, смерть застыла. На миг или больше. Неважно. Смерть наслаждалась испугом.

Почему мать купила эту картину? Почему не мирный пейзаж, не дом на опушке? Может, в душе матери — шторм?

Не знаю. Мать не скажет, я не спрошу.

Мысль о штормящей душе пришлась мне по вкусу. Хотелось новых мыслей. И они пришли.

Мою судьбу испоганила мать. Зачем родила больную? Теперь вот мучается. Ну и пусть.

Я повернулась к окну и посмотрела на небо. Синее, с барашками облаков. Вчера было серым. Вот бы подняться в космос. Высоко-высоко. Наверное, страшно. Чёрное небо и звёзды.

Хлопнула дверь. Пахнуло борщом. С запахом прилетела

мысль: жизнь состоит из мелочей. Моя жизнь. Мелкие мысли, мелкие события, мелкие ощущения. Я собираю пазл и пытаюсь найти место каждой мелочи.

Монотонная жизнь. Куцые впечатления. Звуки, запахи, чьи-то разговоры…

10 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Смотрела в окно и увидела облако. Оно остановилось, прильнуло к стеклу. Странное, будто вуаль. За облаком — две звезды. Холодные, но живые. Я напряглась, потянулась к окну. Будто хотела спросить.

Не получилось — голос пропал.

В окно заглянула луна, с нею — тоска. Липкая, щемящая. Она просочилась в комнату и, заглянув мне в глаза, уселась на плечи. Как тяжело. Хочется подойти к окну, вдохнуть серую мглу и крикнуть: «Почему я страдаю? За что?» Нет, не получится.

Опять появились звёзды.

«Какое странное человеческое существо, — казалось, говорили они. — Уродливое, жалкое, больное».

Порыв ветра открыл окно.

Почему так тревожно? Где точка, которая болит? Утром, ночью — всегда. И почему душа не летает?

МОЯ ДУША. Ползает, рвёт, превращает всё в груду тря-

пья. Затхлого, с полуистлевшими нитками.

Как жить, чтобы не захлебнуться от боли?

Тело дёрнулось, и я завалилась навзничь. Казалось, лечу по туннелю. Далеко впереди — глаза. Холодные, но живые.

Может, вошла в транс? Может, пойду?

Я перекувырнулась и… встала на ноги. Сделала шаг.

Какое блаженство! Я ШЛА. САМА ШЛА!!! Один шаг, второй, третий… Неведомые глаза следили за мной, звали к себе.

Вперёд. Быстрей. К свету. Наконец-то.

— Иду-у-у!!! — крикнула я.

Крикнула радостно, звонко. Без хрипа. Я развела руки, и стенки туннеля раздвинулись. Как в сказке. Глаза превратились в шары. Внутри меня всё дрожало, слёзы заливали лицо. Свет хлынул навстречу, вместе с ним хлынула боль. Адская боль. Она ударила в грудь, опалила мой мозг.

— А-а-а!!!

Из сердца вырвался крик. Да-да. Прямо из сердца. Будто открылась дверь, и из неё вылетел заряд. Ноги подкосились, и я упала. Ночь. Опять ночь.

13 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Я помнила мать с двух с половиной лет. Безупречный овал лица, большие глаза, соболиные брови. Красавица, фея,

принцесса. Или Мадонна.

С трёх лет помнила грусть. Она была рядом всегда. Помню, как мать читала. В эти минуты грусть вырастала до вселенских размеров. У меня было желание броситься к матери и защитить.

«Родила царица в ночь не то сына, не то дочь. Не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку».

Мать вытаскивала меня из кровати и, взяв на руки, ходила по квартире.

«Несчастная, горемычная», — шептала она.

Кому были обращены эти слова, не знаю. Впрочем, неважно. Мы с матерью — горемычные обе.

14 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Рассказала Ане о полёте. Аня пришла в восторг. То ли порадовалась за меня, то ли вспомнила что-то своё. Оказалось, и то, и другое.

— И я летала во сне, — сказала Аня. — Лет в двенадцать. Хочешь, расскажу?

Я кивнула. Пусть расскажет.

— Начну с середины. Будто сижу я на дереве. Какая есть, такая во сне. Две косички, юбка в клетку, на ногах — башмаки. Сижу, значит… семечки грызу. И по сторонам смотрю.

«Кто бы сомневался», — подумала я.

— Лес — светлый. Клёны да дубы. На поляне — зайчики.

— Настоящие? — спросила я.

Аня улыбнулась.

— Солнечные. Прыгают, среди цветов кувыркаются. И вдруг… я поднялась и полетела. Сама. Представляешь?

Трудно было представить, но проще кивнуть, чем ответить.

— Сначала летела вверх, а как поднялась над лесом, легла на живот. Парю, словно птица, и чувствую: ничего мне не надо. Ни денег, ни дома, ни подруг. Летела бы так и смотрела вниз.

Аня вздохнула.

— И тут я почувствовала щекотку. Будто пером по ноге провели. Смотрю, на пятке зайчик сидит.

— Какой зайчик? — удивилась я.

— Солнечный. Какой же ещё? Золотые ушки обвисли, а сам лапками утирается. И… плачет. Жалобно так. Ну и я разревелась.

— А что дальше — упала?

— Нет. Перевернулась.

«Значит, полетела животом кверху». Что ни говори, но точность в выражении мыслей люблю с раннего детства.

— Смотрю, появилась рука. Большая, оранжевая. С толстыми пальцами. Рука подхватила зайчика и пропала.

Я подняла брови. «Что за бред?»

— Не поняла? — рассмеялась Аня. — Это была солнеч-

ная рука. Она схватила малыша и отнесла домой — в солнечный домик. Здесь я проснулась. Рассказала матери сон, она взяла и потащила меня к бабе Дуне.

— Зачем?

— Баба Дуня — знахарка в нашей деревне. Она и раны заговаривает, и сны толкует… Баба Дуня выслушала меня и ну задавать вопросы. Где летала? Какой лес? Всего не упомню. Потом сказала: «Как вырастешь, высоко заберёшься. Из деревни уедешь. Потянет тебя к мужикам. С одним поживёшь, с другим…». Тут мамка глазами как сверкнёт… Ну, думаю, сейчас разорётся. Однако сдержалась. Сидит, будто сыч, глаза в пол, и молчит. «Потом заболеешь», — продолжила баба Дуня. Зыркнув на меня, мамка окаменела. Видимо, забоялась.

«„Зыркнув на меня“, „забоялась“, — отметила я. — Деревенскими словами так и сыплет. Будто семечки грызёт».

«То, что солнце во сне пришло, это хорошо, — сказала баба Дуня. — Значит, зло от тебя отступит».

«А солнечный заяц? — подумала я. — Он с какого рожна?»

Аня будто услышала.

— По словам бабы Дуни, страхов у меня много. Прыгают, как зайцы, житья не дают. Однако скоро они пройдут.

Я усмехнулась. «Вот умора. Сядет заяц на пятку, и страхи пройдут».

— Как говорила баба Дуня, так и случилось. Окончив

школу, я устроилась секретарём в сельсовет. За большим письменным столом сидела. При бумагах, печати. И в чистом виде весь день. Чёрная юбка на мне, блузка, туфли…

Аня вздохнула. Видимо, эти воспоминания были для неё самыми сладкими.

Затем сделала вывод:

— Так что права баба Дуня — стоило мне подрасти, высоко забралась.

Анина наивность поражала. Тридцать лет, а словно ребёнок.

«За большим письменным столом», «при бумагах, печати». Прямо начальник. Я усмехнулась.

Однако остались вопросы. По словам бабы Дуни, Аню должно потянуть к мужикам. Почему должно? Хотела спросить, но… не стала. «Сама расскажет. У неё не задержится».

Аня уселась на диван и, достав катушку с крючком, принялась плести кружева. Без дел она не сидела.

— Мамке салфетку вяжу. На восьмое марта.

Салфетки меня не интересовали. Скосив глаза, я взглянула на узор и тут же уставилась в окно. Небо будто помыли. Чувствовалось, день-два, и наступит весна.

— К мужикам потянуло лет с двадцати, — сказала Аня.

Я встрепенулась. Что говорить, интересная тема.

— Сначала влюбилась в агронома. Он был высоким и справным. А главное — образованным. Приехал в деревню из города. То ли практику проходил, то ли к месту пригля-

дывался. В сельсовет забегал каждый день. Глаза голубые, и такой обходительный, что я влюбилась.

Аня пересчитала ряды на салфетке и опять взялась за вязанье.

— Нюрочкой меня называл. То шоколадку принесёт, то платочек. Однажды подарил колечко. Простенькое такое — ободок и цветок в середине. Будто лазоревый.

«Видно, голубая эмаль», — подумала я, но вслух не сказала. Боялась вспугнуть.

— У меня пальцы — толстые. Сама знаешь. Колечко налезло на мизинец. Так и ходила.

— Долго?

— Месяца три.

— А потом?

— Потом, как в романе. Помиловались, и он меня бросил. Хорошо, не понесла от него. Мать бы убила. Аня откусила нитку и убрала вязанье.

— Жуть как переживала. Чтобы поплакать, ходила в лес. При матери разве поплачешь? А через месяц уехала.

— В Москву? — спросила я.

— Нет, — ответила Аня. — Сначала в Павлов Посад. Он к нашей деревне ближе.

Подхватив Лушку, Аня вышла из комнаты. Я осталась одна. Чужая судьба разворошила мои мысли, и собственные проблемы отошли на второй план.

«Надо же. Влюбилась, помиловались, обманул. Это всё из

другой жизни. Что значит, влюбилась? И как обманул?»

Конечно, о любви я читала. Но роман — одно дело, живая история — совсем другое. Дверь была приоткрыта, и я слышала, что происходило на кухне. Сначала лилась вода, и Аня гремела тарелками. Видимо, мыла посуду и ставила в шкаф. Затем хлопнула холодильником, застучала ножом. Послышалось хлюпанье, затем песня. Аня начала её тихо, затем голос окреп.

— Кого ждала, кого любила я,
Уж не догонишь, не вернешь.

Громко высморкавшись, Аня запела в полный голос:

— За той рекой, за тихой рощицей,
Где мы гуляли с ним вдвоем,
Плывет луна, любви помощница,
Напоминает мне о нём.

Я скривила губы.

«Разве Анины страдания сопоставимы с моими? И что она знает о страданиях? Подумаешь, агроном бросил. Зато бегает, как кобылица — только бока трясутся. А я ползаю. И то с трудом. И любви у меня не будет. Никогда». Какое страшное слово. В нём — вселенская грусть.

18 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Помню, Аня влетела в комнату и, подхватив меня, закру-

жила в вальсе.

— Я пригласить хочу на танец… Вас, и только вас…, — запела она.

От Ани шла такая энергия, что закружилась голова. Я прижалась к большой, тёплой груди и улыбнулась. Будто свежим ветром подуло.

— Представляешь, Лариса Валентиновна предложила мне переехать. — Куда? — разволновалась я. — К вам.

Вот это новость. Такого от матери я не ожидала. И с чего это вдруг? Аня посадила меня на диван и, не в силах остановиться, сделала ещё один круг.

— Пара-пара-пара, пам-пам! Пара-пара-пара, пам-пам, — напевала она.

«Похоже, „Сказки Венского леса“», — подумала я.

Аня остановилась и широко улыбнулась.

— Давно хотела у вас пожить. Просторно, красиво… Да и ездить никуда не надо. Скажи, повезло?

Я знала, Аня снимает в Москве комнату. Не одна снимает — с подругой.

— Как же твоя подружка? — спросила я.

— Ничего, найдёт себе пару, — ответила Аня. — Она на стройке работает, а там полно приезжих девчат.

Аня махнула рукой и устремилась к двери.

— Сейчас съезжу за вещами, и тут же назад.

Перед глазами мелькнули широкие бёдра, дверь хлопнула, и тут же вошла мать.

— Доброе утро.

Кивнув, я пробурчала «привет».

— Полагаю, ты слышала новость.

Мать, как всегда, растягивала слова. Я начала заводиться. «Она, видите ли, полага-а-а-ет».

— От Аниного переезда выиграют все. И ты, и я. К сожалению, у меня много работы. Сама понимаешь, должность главного редактора требует больших временных затрат. Не взыщи, что не уделяю внимания.

Поправив причёску, мать продолжила:

— С переездом Ани тебе не будет так одиноко. К тому же, Ане не надо платить за комнату.

«Какая забота. Однако начала с себя».

Аня приехала через пару часов. Она поставила сумки в гостиной и крикнула на всю квартиру:

— Таш, ползи сюда.

— Зачем? — пробурчала я.

— Глянь на мои богатства.

Я выползла из комнаты и с интересом уставилась на сумки. Аня достала вафельницу, допотопный магнитофон, плюшевого медвежонка и ворох вещей.

— Буду тебе вафли печь, — сказала Аня. — С варёной сгущёнкой. Не пробовала?

Я мотнула головой.

— Свет такой вкуснятины не видал.

Аня отложила вафельницу и погладила плюшевого миш-

ку.

— Мамкин подарок. Двадцать пять лет с мишкой сплю. Обниму, и словно детством пахнёт.

Анин медвежонок не произвёл на меня впечатления. С маленькой головой, холкой на загривке, слегка облезлый. И посадка на четыре лапы, как у настоящих медведей.

— Мамка купила его в деревенском магазине.

Подкинув медвежонка, Аня рассмеялась.

— Чего только там нет. И хлеб продаётся, и водка, и галоши, и леденцы… Словом, супермаркет. Представляешь?

Я хмыкнула. «Чудно. В одном магазине галоши и хлеб».

— Все деревенские новости там. Бабы к окну притулятся, и ну языками чесать. И мужики в магазин часто заходят. Кто за водкой, кто за пивом. Глазами зыркнут, словечком пульнут и ну смотреть — какая реакция. А кто-то из баб свою пулю в ответ: «Ах, ты — нечистый дух».

Аня опять рассмеялась. Затем вытащила коробку из-под обуви и открыла крышку.

— Здесь хранятся кассеты. Видишь их сколько?!

Кассет я давно не видела. Мать перешла на диски и кассетный магнитофон выбросила.

— У меня есть и «Барыня», и «Горка»…

Воткнув кулаки в талию, Аня громко запела:

— Я на горку шла, тяжело несла.

Уморилась, уморилась, уморилася!

Анин голос пролетел по квартире, и мне стало весело. Са-

ма не пойму, почему.

— Слышала такую?

Я в очередной раз качнула головой.

— Люблю народные русские песни. В них — потаённая сила. Споёшь, и словно заново родился.

Коробка с кассетами оказалась на подоконнике, рядом расположился горшок с геранью.

— Глянь, как теперь хорошо. Рядом и цветок, и песни.

Аня сорвала лист герани и сунула мне в нос.

— Чуешь, как пахнет?! Это тебе не лаванда.

Тут не поспоришь. Запах у герани — терпкий, будто летним жаром наполнен.

— Баба Дуня говорит, герань — волшебный цветок. И уши лечит, и моль отгоняет. В деревне герань — в каждом окне. У кого с белыми цветами, у кого — с розовыми. А у мамки — красная. По-моему, самая красивая.

За горшком появились кружевные салфетки. Аня положила их на спинки кресел, полки углового серванта и на журнальный стол.

«Вот мать удивится, — подумала я. — Ещё бы слоников в ряд, и а-ля начало двадцатого века».

— Салфетки меня баба Дуня научила плести. Трат никаких, а красиво. Скажешь?

Я кивнула. Не потому, что люблю кружевные салфетки — чтобы порадовать Аню.

«Пусть лежат. И цветок пусть стоит. А то в комнате —

ни одного яркого пятна. А тут красная герань. Горит, как огонь».

— Свои вещи суну в кладовку, пусть там лежат.

Аня схватила сумку и вынесла её из комнаты. Видимо, одежда для неё ценности не представляла. Не то, что для матери.

21 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Лето этого года мы с Аней провели в деревне. Мать уехала на Корфу, а меня с Аней отвезла в Тверскую область. Впрочем, в деревне нам было неплохо. Дом прабабушки — ещё крепкий, воздух — чистый, кругом — луга и леса.

Как говорит Аня: «Сплошная красота».

Деревня, где когда-то жила бабушка Нюша, называлась Серьгово. За огородами — река, дальше — дремучие леса. Почему у деревни такое название, я не знаю. Может, из-за реки, что делает здесь петлю, может, по другой причине.

Дом бабы Нюши стоит на краю деревни. По деревенским понятиям — небольшой. Горница, кухня, мост. К дому примыкал двор, за ним — огород и сарай. За домом — луг, а за ним — река.

Нам с Аней в Серьгово нравилось. Поэтому и прожили в деревне не две недели, как предполагала мать, а три месяца. Мать звонила, предлагала отвезти в Москву, но раз за разом

получала отказ. Похоже, её это устраивало. А нас с Аней подавно. Аня навела в доме порядок. Вымыла пол, высушила постель, постелила половики, скосила траву в огороде, посадила цветы и зелень. Целыми днями она носилась со мной по округе и ахала от восторга. Мы собирали ягоды, лежали на лугу, купались в реке, бродили по лесу.

Когда у Ани были дела, я сидела под яблоней. Надо мной колыхались листья, ветер целовал лицо, высоко в небе пели жаворонки. Временами наваливалась дремота, и я летела в другую реальность. Скорые поезда неслись сквозь тайгу, и слышался стук колёс: «Тук-тук-тук, вперёд. Тук-тук-тук, быстрей». Я видела вагоны сверху. Много поездов, идущих в одном направлении. И острые верхушки елей. Казалось, гигантский ёж выставил свои иголки, а среди иголок бегали поезда. Куда, неизвестно; зачем, тоже.

Однако реальность не отпускала. До меня доносились обрывки деревенских разговоров, блеяние соседской козы, плач ребёнка.

Наконец, я погрузилась в транс.

Как? Не знаю.

Лежала под яблоней, смотрела на облака и вдруг отключилась.

Транс

Казалось, перенеслась в душную ночь. Появилось ощуще-

ние пустоты. Я замахала руками, и ночь расступилась.

Передо мной простиралась пустыня. Я стояла на чёрном песке и озиралась. Да-да, стояла. Хорошо помню, что находилась в вертикальном положении. Подул ветер. Песок лез в ноздри, впивался в кожу. Через несколько мгновений всё стихло. Перегнувшись пополам, я раскашлялась. Натужно раскашлялась, до слёз. Под ноги летела слизь, и тут же уходила в песок. Сколько продолжался мой кашель, не знаю. Кажется, целую вечность. Наконец, прекратился.

Я вытерла слёзы, и взгляд упёрся в бетонную стену. Она стояла прямо передо мной, и не было ей ни конца ни края. Сердце разрывало грудь, перед глазами прыгали искры. И вдруг небо прорвало. Из узкой щели появился солнечный луч и, побродив по песку, ткнулся в мою ногу. Как в Анином сне. Пошевелив пальцами, я пошла. Медленно, тяжело, будто на костылях. Один шаг, второй, третий…

Бетонная стена приближалась, и я увидела сотни крючков. Большие, маленькие, витиеватые… — они походили на письмена. Я взялась за нижний крючок и подтянулась. Началось долгое «восхождение». Наконец, я вскарабкалась. Усевшись на край стены, я посмотрела вниз.

Передо мной простиралась равнина. Что удивительно, сразу в четырёх временах года — зимнем, осеннем, летнем, весеннем. Пахнуло сыростью, пошёл снег. Вернее, снег и дождь одновременно. Крупные капли дождя стучали по листьям, а там, где царила зима, кружились снежинки.

Я любовалась четырьмя пейзажами одновременно, пока не почувствовала, что на меня кто-то смотрит. Внизу стояла девочка. Она махнула рукой и пошла через равнину к избушке. Та стояла на краю весеннего леса. Время от времени девочка оглядывалась на меня и приглашала идти за собой.

Я попыталась оторваться от стены, но ничего не получилось. Незнакомка уходила дальше и дальше. Наконец, подошла к лесу и, обернувшись, махнула рукой. Дескать, пока-пока. До встречи.

Я заплакала и проснулась. Рядом стояла Аня.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Меня приглашали в весну.

— Не плачь, — сказала Аня.

— В весенний лес мы ещё сходим.

23 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

В Серьгово мать звонила регулярно. Спрашивала, что да как. На звонки отвечала Аня.

— Лариса Валентиновна, миленькая, не беспокойтесь. Всё у нас хорошо. Козьего молока сколько хочешь. Феликс Петрович мёда принёс. Баба Варя, что с другого конца деревни, яйца продаёт. И в магазин мы ходим. Как же без магазина? Да, ерунда. Что нам пять километров? Тропинки сухие, птички поют. Черники наберём по дороге. Таша её с моло-

ком ест. Что? Дров полно — целый сарай. Нет-нет, Феликс не сжёг. Ой, он такой забавный…

Подмигнув, Аня продолжала с улыбкой:

— Как же, кавалерится. Не-е-ет. Я пошутила. Не пристаёт. Да куда ему приставать? Поди, лет шестьдесят. Сколько? Шестьдесят два? Ну вот, а вы всполошились.

Аня хохотала в голос. Отстранив телефон, она воскликнула:

— Ну, не могу.

Затем опять в трубку:

— Да-да. Позвоню. До свидания.

Феликс Петрович жил по соседству. Высокий, крупный, с седыми кудрями. Мать говорила, наша родня, а какая, она не знает. Феликса мать привечала, возила подарки, звонила иногда. Что говорить, нужный человек. И газовый баллон подключит, и в магазин съездит, а если приспичит, в больницу отвезёт.

«Феликс — настоящий хозяин», — говорила Аня.

А по мне, так кулак. Чего только не имел. Пасеку в двадцать ульев, «жигули», лошадь с жеребёнком, трактор, косилку, две коровы, десяток овец, козу, штук двадцать уток. Что интересно, кур Феликс Петрович не любил. Может, его петух в детстве клюнул; может, какая другая причина — не знаю. Так или иначе, яйца Аня покупала на стороне.

Я замечала, к Ане Феликс Петрович был неравнодушен. Подойдёт утром к окну и как гаркнет:

— Анюта, неужто спишь?

Аня выскакивала на крыльцо. Сарафан короткий, под ним ничего. Пышные формы наружу так и выпирают.

— Привет, Феликс Петрович. Знать, за водой собрался.

— Могу и сходить. Сколько тебе принесть?

— Да вёдер шесть, не меньше. Стирнуть хотела.

Феликс пожирал Аню глазами. Затем вздыхал и говорил:

— Хороша девка. Чай, отбоя от женихов нет.

— Зачем женихи? — игриво отвечала Аня. — Я сама по себе. Живу, как барыня. Встану, когда захочу. С Ташей чайку попьём, и на речку.

— Зубы не заговаривай, — усмехался Феликс Петрович. — То-то смотрю, в делах целый день.

— Да какие дела? Так, одна мелкота. Я сидела у окна и наблюдала из-за занавески.

Аня была хороша. Свежая, румяная — словно булка.

— Замуж тебе пора, — говорил Феликс Петрович. — По-што красота пропадает?!

— Сватов задумал прислать? — улыбалась Аня.

— А что — пошла бы за меня?

— У тебя хозяйство большое. Да и староват ты для меня. Уж извини сердечно.

— Это верно, — вздыхал Феликс Петрович и шёл за водой.

Аня бежала на двор, долго плескалась у рукомойника и, блестя мокрым лицом, возвращалась в горницу.

— Ишь, какой жених отыскался, — улыбалась она и включала чайник. — По мне, так свобода дороже.

«Это верно, — думала я. — Ну их, мужиков. От них — сплошные проблемы».

Какие проблемы от мужиков, я не знала. Но фраза была на слуху, и у меня находила понимание.

24 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

В августе в Серьгово — много гроз. Как говорит Феликс Петрович, река их притягивает. За несколько дней до приезда матери разразилась сильная гроза. Она налетела внезапно. Я лежала на диване и смотрела в окно, Аня вязала очередную салфетку. Горела настольная лампа, где-то шуршала мышь, пахло свежевымытыми полами. И тут наступила ночь. За несколько секунд. Молния осветила небо, и сразу раздался гром.

— Прямо над нами лупануло, — сказала Аня.

Я вспомнила чёрный вихрь.

— Ань, не боишься грозы?

— Чего бояться? — ответила Аня. — Как говорит мамка, от своего хвоста не уйдёшь.

Ветер юркнул в трубу, и грохнуло так, что задребезжали стёкла. Мелькнула мысль: вдруг загорится дом? Аня-то убежит. А что будет со мной? Чтобы отвлечься, решила завести

разговор.

— Расскажи, как оказалась в Москве. Аня понимала меня с полуслова.

Не надо повторять, путаться в звуках. Прохрипела, и полный порядок.

— От мужа убежала.

— Почему?

— Мрачный был человек.

«Вот это да. Не знала, что Аня была замужем».

— Помнишь, рассказывала об агрономе?

Я кивнула.

— Ну, вот. Когда меня бросил, я собралась в город. Агроном в ту пору с Люськой-продавщицей встречался. Мамка то ли почуяла, то ли по деревне сплетни пошли. Словом, смотрела на меня волком, а сама думу думала. Уж, я-то свою мамку знаю. Если молчит, значит, мысли катает. Как-то сели мы ужинать, она и говорит: «В Павлов Посад поезжай. Там Зинка работает». Зинка — моя троюродная сестра. Ну, я и поехала. Зинка в Павлов Посаде комнату снимала, вот я и стала с ней жить. Она меня на фабрику устроила, сделала своей ученицей, потом уж сама пробивалась. Стояла у ткацкого станка, ткала шерсть для павловопосадских платков. Видела их?

Аня встала и, порывшись в сумке, вытащила красный платок. В середине — цветы и витиеватые узоры, по краям — бахрома.

— На всякий случай в деревню взяла. Вдруг в гости позовут — а без подарка неловко.

Аня накинула платок и прошлась по горнице.

— У меня таких штук десять. И шаль с кистями.

Платки меня не интересовали, и я повернула разговор в прежнее русло.

— А муж?

— Он инженером был. По павловопосадским меркам, видный жених. Квартиру имел, машину. Думала, Бог в награду послал, а вышло иначе — в испытание.

Я сочувственно хмыкнула.

— Сначала нормально жила. Помиловалась, в семью поиграла, уют навела. Потом тоска навалилась. Муж с работы придёт, и начинает нудить. Дескать, на фабрике — беспредел, в стране — бардак, люди — плохие, продукты — несвежие, дороги — раздолбанные. И так каждый день. Я улыбнусь, песню спою, приласкаюсь. Всё бесполезно. Ласку принимает, а сам своё: бабы распустились, мужики пьют, совести ни у кого нет. Слушала я, слушала и поняла — не будет у нас семьи.

— Почему поняла?

— Душно с ним. Будто сидишь в подполе и плесенью дышишь. Вот и развелась.

— Моя мать — тоже мрачная.

— Что ты, Таш, — воскликнула Аня. — Лариса Валентиновна на моего мужа ничуть не похожа. Тот мусор по жизни

собирал, а твоя мать — потерянная.

Я удивлённо подняла брови.

— Что значит, потерянная?

— Ей бы замуж. Например, за посла. Тогда бы на месте была. Приёмы, красивые платья…

Я попыталась представить мать в официальной обстановке. А что? Аня права. Мать бы имела успех.

Гроза кончилась, и небо посветлело. Аня погасила свет.

— Пора спать. Она положила меня на кровать и поцеловала в лоб.

— Ты не плутаешь в лесу? — спросила я.

— Я живу на лугу, — улыбнулась Аня. — Вместе с ромашками и васильками.

Вот так-то. А где живу я?

25 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

В середине августа в Серьгово приехала мать. Не одна — с мужчиной. Они появились под вечер. Я сидела под яблоней, Аня готовила ужин. Послышался звук приближающейся машины. Всё ближе и ближе.

«Интересно, кто это едет? — подумала я. — Феликс Петрович или туристы?»

Туристы на Медведице — не редкость. Они приезжали на пару дней и останавливались на берегу. Ставили палатки,

жгли костры, пели песни. Иногда заглядывали в дом — смущаясь, с тысячами извинений. То соли попросят — дескать, забыли, то обливное ведро. Конечно, не насовсем — на время.

Машина остановилась у калитки. Я наблюдала за ней сквозь листву. Вышел высокий мужчина. Взялся за деревянные ворота, распахнул их, вернулся к машине. Джип взревел и, въехав на лужайку, встал перед самыми окнами. Хлопнула дверь, на крыльцо выбежала Аня.

— Сюрприз, — воскликнула она.

«Кого это принесло?» — недоумевала я.

Ветки заслоняли лужайку, полного обзора я не имела.

— Здравствуй, Аня, — послышался голос матери. — Знакомься, это Андрей.

— Очень приятно, — защебетала Аня. — Не ждали, не гадали. Надо же, как неожиданно.

Меня захлестнуло волной. Жаркой, до дрожи в коленках.

«Мать и любовник. Что же делать?»

— Таша в саду. Под яблоней.

Аня сбросила фартук.

— Сейчас помогу разгрузиться.

Я вжалась в кресло.

«Надо же, какая напасть».

Сердце колотилось, кружилась голова, состояние — близкое к панике. К тому же чёрт-те во что одета. Старые лосины, выцветшая майка, на голове — бейсболка.

На тропинке показалась мать.

— Таша, девочка моя.

Я нахлобучила бейсболку, вытерла лоб и с трудом разомкнула губы.

— Привет, — выдавила из себя.

Поцелуй в щёку, неловкое объятие, шаг в сторону. Мать заслонила солнце, и я оказалась в тени.

— Как ты посвежела.

«Скорей бы Аня пришла», — подумала я.

Та словно услышала. Вышла из дома и направилась к нам.

— Лариса Валентиновна, гляньте, сколько яблок. Красные, как огонь.

Мать посмотрела на дерево.

— Не видела таких.

— Неужто не видели? — удивилась Аня. — Это же мальва.

— В деревне наездом.

— И зря, что наездом. Здесь благодать. И Таше хорошо.

Из дома вышел мужчина. Закрыл машину, направился к нам.

— Андрей, познакомься, это Таша.

Мужчина приблизился к коляске, присел и посмотрел на меня. Глаза — синие, веки — в мелких морщинах, зачёсанные назад седые волосы, волевой подбородок, пухлые губы, крест на распахнутой груди.

— Будем знакомы, — сказал он и протянул руку.

Длинные пальцы коснулись руки и застыли.

— Наташа, — прошептала я.

Мать подняла брови. Я поняла, почему. Наташей меня дома не звали.

— Красивое имя, — сказал мужчина. — Латинское «наталис», значит «родная».

Он встал и слегка поклонился.

— Позвольте представиться — Андрей.

Я сдёрнула бейсболку и улыбнулась. Слегка, краешком губ. Андрей мне понравился сразу. Больше того, я почувствовала интерес. Что это — созвучие? Не знаю. Посмотрела в глаза и поняла: с этим человеком можно общаться. А почему — вопрос к психологам.

Мать облегчённо вздохнула. Я видела это. Верней, ощутила подсознательно.

— Не пойти ли нам в дом? — спросила она.

— Идите, — ответил Андрей. — А мы с Наташей поболтаем.

«Как мило звучит — „поболтаем“. Сумею ли я?»

— Да-да, конечно, — заторопилась мать. — Посидите в саду.

Она пошла к дому, следом за ней — Аня. Обернувшись на полпути, Аня показала большой палец. Дескать, классный мужик. Я кивнула в ответ и повернулась к Андрею. Тот наблюдал за закатом. Стройная фигура, чёрная футболка, узкие джинсы. И белые волосы до плеч. Красивый.

— Как думаешь, какие в закате цвета? — спросил Андрей.

Я посмотрела на солнце.

— По-моему, что-то с перламутром.

Как всегда, каша во рту, однако Андрей понял.

— Умница. Но как подобрать перламутр?

Глубоко вздохнув, он добавил:

— Цвета благодати.

Я улыбнулась. Говорит, будто Аня. Осталось только услышать: «глянь, какая красота».

Андрей оправдал надежды. Он потянулся и раскинул руки. Казалось, решил обнять весь деревенский пейзаж — луг, деревню, лес, яблоню с красными яблоками.

— Боже, какая красота, — воскликнул он.

Я рассмеялась. Легко, радостно, с горловым переливом. Вот уж не ожидала от себя.

— Разве не так? — спросил Андрей.

Кивнув, я закрылась бейсболкой.

Почему закрылась? Да потому, что знаю: когда смеюсь, выгляжу глупо. Видела в зеркале. И не раз.

— Убери бейсболку, — приказал Андрей.

— Почему? — пискнула я из-под шапки.

— Когда человек смеётся, выглядывает душа.

— Моя душа дурацкого вида.

— С чего ты взяла?

Андрей отстранил кепку и, глядя мне в глаза, сказал:

— Запомни, ты из редкой породы людей, которая может

обходиться без масок.

— Не ожидала, — ответила я.

— Божий дар, между прочим.

Мать с Андреем гостили три дня. Куда бы они ни шли, брали меня с собой. Инициатива исходила от Андрея. Он усаживал меня в коляску, и мы мчались вперёд. Купались, ходили в лес, бродили по лугам, сидели на берегу, жгли костры. Последнее доставляло мне особое удовольствие. Треск дров, пляшущие язычки огня… — словом, романтика.

Однажды, нацепив хлеб на палку, Андрей опалил его над костром.

— Попробуй, — протянув мне, сказал Андрей. — Нет ничего вкуснее хлеба, обожжённого огнём.

Откусив небольшой кусочек, я кивнула в ответ. И правда, вкусно. Горячий хлеб с запахом дыма. Андрей посмотрел на костёр и запел. Голос у него — низкий, приятный, с лёгкой хрипотцой.

— Дым костра создаёт уют, искры гаснут в полёте сами,

Пять ребят о любви поют чуть охрипшими голосами…

Песня летела над Медведицей, и та ей тихонько вторила.

— Уют, искры, любовь…, — журчала река.

Последнее слово задержалось надолго. Оно понеслось по течению, и на него отозвался лес.

— Лю-ю-бо-овь, — проскрипели деревья.

— Лю-ю-бо-овь, — зашелестела трава.

Андрей замолк, и мать сложила ладони. Несколько хлопков, за ними слова, похожие на ириску. Тягучие, приторные, застревающие в зубах.

— Бра-а-а-во, — сказала она. — Не знала, что ты поёшь.

Я взглянула на мать. Её губы изображали улыбку (именно так — изображали), а глаза были невесёлыми.

Я ощущала жалость и досаду одновременно. Второе чувство было привычно, но почему появилось первое?

— Походная песня, — прокомментировал Андрей.

Взглянув на мать, он спросил:

— Ходила в походы?

— Было дело, — ответила мать. — И у костра пела.

«Как странно ответила, — удивилась я. — На сей раз без позы, нормальными словами. Неужели не врёт?»

— Спой, — попросил Андрей.

Я напряжённо ждала. При мне мать не пела. Вот стихи читала охотно. В любое время суток. А песни… Может, колыбельные? Такое я допускаю. Жаль, что не помню.

— Я вас люблю, мои дожди, — запела мать.

Голос — неуверенный, тихий. Видно, волнуется.

— Мои тяжёлые осенние.

Голос окреп и полетел над рекой.

— Чуть-чуть смешно, чуть-чуть рассеянно.

Я вас люблю, мои дожди.

«Неплохо поёт, — подумала я. — И слух есть, и голос».

Мать откашлялась и запела выше.

— А листья ластятся к стволам.

А тротуары, словно зеркало.

И я плыву-у-у по зеркалам.

В которых… отражаться некому.

Андрей притянул мать и поцеловал. В губы. Коротко поцеловал, как-то по-родственному.

— Красивая песня, — сказал Андрей. — Запиши для меня.

От похвалы мать раскраснелась и сразу похорошела.

— Записать? — переспросила она. — Зачем?

— Будем петь вместе, — улыбнулся Андрей. — На два голоса.

— Думаешь, у нас получится?

— Не сомневаюсь.

Андрей встал и затоптал костёр.

— Пора домой.

Наша процессия тронулась к деревне. Впереди я на коляске, за мной Андрей и мать. Я не сомневалась: одной рукой Андрей толкал коляску, другой обнимал мать.

Всё-таки удивительный человек, чем-то похожий на Аню. Такое впечатление, что у них обоих — огромный запас любви. Бескорыстной и искренней.

Ближе к ночи я и Андрей сидели на крыльце. Аня мыла посуду, мать улеглась с книгой. Сначала мы с Андреем

слушали деревенские звуки. Залаяла собака, всхрапнула лошадь, где-то дрались коты. Потом заговорили о песнях.

— Хочешь, спою любимую? — спросил Андрей.

Я кивнула. Мы сидели плечом к плечу, и сердце сжимали новые ощущения. Нет-нет, бурления в крови не было. Разум контролировал эмоции, и я понимала: той любви, о которой пишут в книгах, в моей жизни не будет. Видимо, это надо понять и смириться.

Меня волновало моё состояние. Я чувствовала, с приездом Андрея во мне что-то изменилось. Отчаяние и протест пропали, их место заняла мысль: жили бы одной семьёй — я, мать, Андрей, Аня. Собирались бы за столом, вели бы неспешные разговоры. Аня и Андрей дарили бы свою любовь, глядишь, и мы с матерью изменились бы. Научились бы видеть благодать, которая сейчас, увы, нам недоступна.

Притянув меня к себе, Андрей прошептал в ухо:

— Эту песню надо петь тихо. Знаешь, почему?

Я пожала плечами. Неизъяснимое блаженство наполнило мою душу, и стало покойно, как никогда.

— Потому, что она — волшебная.

Андрей запрокинул голову и, не отрывая взгляда от неба, запел:

— Есть десяток звёзд над головой…

Прижавшись к Андрею, я впитывала тепло, и меня заполняло ощущение счастья.

«Неважно, какое это тепло — мужское или женское, —

думала я. — Просто ТЕПЛО. С большой буквы. Оно необходимо для сердца. Чтобы не замёрзло, чтобы стучало в ответ».

Мне кажется, в тот вечер мои глаза светились в темноте. Как звёзды, о которых пел Андрей. Не могли не светиться, ведь в душу вошло тепло. А вместе с ним — свет. Ведь свет и тепло связаны друг с другом. Значит, одно привлекает другое.

— Эти десять звёзд — как маяки. На краю неведомой земли…, — пел Андрей.

Я смотрела на звёзды и думала о матери, о себе, об Ане с Андреем. Я знала, они появились неслучайно. Видимо, и им, и нам с матерью надо было прожить вместе какой-то кусок жизни. И что-то понять.

— А наши песни слушают леса, — повысил голос Андрей. —

И в чаще леса прячется беда…

Где-то промычала корова, Аня громыхнула кастрюлей.

«Пусть прячется беда, — слушая Андрея, думала я. — В глубокий колодец, в чащу леса, на дно реки. Хватит. Нахлебались беды досыта. И я, и мать».

— Ну, как? — улыбнулся Андрей. — Понравилось?

— Да, — выдохнула я. — Твоя песня заставляет думать.

Андрей прижал меня ещё крепче.

— Тебе никто не говорил об уме?

— Что-то не то сказала? — насторожилась я.

— Наоборот.

Андрей улыбнулся.

— Ты — не по годам умная девушка.

— Скажешь тоже, — ответила я (мы перешли на «ты» в первый же день). — В моей голове — одна только ерунда. И порой недобрая.

— Ой ли?

Мы рассмеялись одновременно. Андрей звонко, я — с бульканьем в горле. И вдруг Андрей замолчал. Он развернул меня и посмотрел в глаза. В его взгляде мерцала ночь. Не тёмная — с далёкими звёздами.

— В отличие от матери ты — живая, — сказал Андрей.

— Странное утверждение, — ответила я.

— Лариса, к сожалению, спит.

— Может, и так.

Сказала и запнулась.

— Таких, как Лариса, много, — продолжил Андрей. — Спят наяву. Некоторые уходят, не проснувшись. Грустно. Верно?

— Аня сказала, мать как потерянная. Бродит по лесу, а выйти не может.

— Анюта — мудрая. Я это сразу понял. Есть в ней что-то глубинное, от земли.

На этой «ноте» наш разговор закончился. Вышла Аня и, подхватив меня, унесла в мой закуток. Андрей ушёл спать на сеновал. Устраиваясь в своей кровати, я посмотрела че-

рез занавеску на мать. Она лежала на диване с закрытыми глазами. То ли спала, то ли притворялась. Мать не поймёшь. Однако «заноза» засела. «Спит наяву». Верно. Но что с матерью происходит? Здорова ли она?

Этот вопрос прозвучал впервые, и тому были причины. С момента рождения у меня было особое положение. Я — больная, мать — здоровая; я могу похандрить, мать обязана «держать лицо».

27 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

В памяти остались картинки из лета:

1)
Жара. Блики на воде. Крик грачей.
Аня купается в реке.
Я лежу на берегу и смотрю в небо.
— Та-ша-а-а-а!
Я повернула голову.

Аня — на перекате. Волосы — в мокрых кудряшках, на теле — гирлянда из водорослей. Большая, тучная. Как мать-Земля.

2)

Август. Вечер. Ползёт туман. Вот он добрался до деревни и улёгся на крыши. Мы с Аней смотрим в окно. Кажется, кроме тумана, и нет ничего.

— Я буду с тобой всегда, — говорит Аня.

Мне стало щекотно. Будто попала в сказку.

— Зимой будем жить в городе, летом — в деревне.

Я вздохнула.

— Зимний вечер, газоны в снегу…

— Снег, летящий на землю.

— Его послал Лунный Заяц.

— Кто же ещё?!

— Мы снимем варежки и подставим руки…

— И поймаем снежинки.

— И загадаем желания.

— Верно.

— У меня два желания. Первое — ходить, второе — сочинять сказки.

— Твои желания исполнятся, — уверенно говорит Аня и, подумав, добавляет:

— Увидишь.

Мне стало тепло. Может, и впрямь исполнятся?

28 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Меня разбудил телефонный разговор.

— Да-да, слышу, — сказала Аня. — Что же вы раньше не позвонили? Через сколько приедете? Да вы что?! И сразу назад? Всё. Поняла. Собираюсь.

Аня дала отбой и влетела в мою комнатушку.

— Проснулась? Вот и отлично. Андрей едет. Три часа на сборы, и тут же в Москву. Вот беда-то.

Я плохо соображала со сна, однако Анино беспокойство меня всколыхнуло.

— Почему беда?

— Яблоки не успею собрать.

«Нашла о чём волноваться».

Аня подняла меня с кровати и усадила на горшок.

— Я мигом. Сумки принесу, и назад.

«Что за спешка? — сидя на горшке, думала я. — Переночевал бы в деревне, а завтра поехали бы».

Аня вернулась в комнату и разразилась длинной тирадой.

— Ну, не могу. Москвичи вечно спешат. Всё у них на лету. Разговоры, дела… Даже любовь. А утром опять круговерть. Дорога, работа, встречи. Чокнуться можно. Ни поговорить, ни приласкать, ни в душу заглянуть. Им, видите ли, не-е-е-когда.

Аня скрутила куртки и, бросив их в сумку, продолжила:

— И Андрей — такой же. Нет, чтобы из Москвы позвонил. Куда там. Выехал, и молчок. Теперь ему двадцать километров осталось. Пока тебя умою, одену, и приедет.

Я дёрнулась и опрокинула горшок.

— Стоп, — воскликнула Аня. — Не шевелись.

Она подскочила ко мне и бросила в лужу полотенце.

— Потом выброшу. Или на тряпки пойдёт.

Я всхлипнула.

— Не переживай. Мало ли что бывает. Я, например, однажды в толчок провалилась.

Чем закончилась эта история, я не узнала. За окном показался джип. Аня метнулась ко мне и, посадив на кровать, схватилась за тряпку.

— Права мамка, — вздохнула Аня. — Заторопка со спотычкой рядом живут.

«Ну и словечки. И где только их берут?»

В комнату вошёл Андрей.

— Здравствуйте, барышни, — сказал он.

— Добрый день, — ответила Аня. — Вы, как ракета.

Я дёрнулась и изобразила улыбку.

— К вечеру в Москву надо вернуться.

— Что за спешка?

— Лариса заболела.

— Батюшки мои, — всполошилась Аня. — Что случилось?

— Аппендицит. Похоже, с осложнением.

Андрей взял меня на руки и добавил:

— К реке сходим — ладно? А ты, Аня, собирайся.

— Да-да. Я живо.

До берега мы доехали молча. Андрей остановился у липы и, вытащив меня из коляски, посадил на траву. Мелкая рябь покрывала воду, и мне казалось, что река щурится на солнце. Тишина и покой. Ивы полоскали в воде узкие листья, в заводи застыли кувшинки.

— Скоро налетит ветер, ивы заледенеют, и берег укроет белый саван, — сказал Андрей.

Я сморщилась, как от зубной боли. Не люблю слово «саван».

— Но мы-то знаем, что будет дальше, — продолжил Андрей. — Четыре месяца сна, за ним — пробуждение. Запахнет весной, забурлит вода, проснутся деревья, и мир преобразится. Берега накинут зелёные кружева, и россыпь мать-мачехи возвестит о начале нового цикла.

Андрей усмехнулся.

— Или старого? — спросил он. — Ведь всё повторяется.

— Нового, — ответила я.

— Верно. Посмотри на реку. Минуту назад она была другой. Поняла, о чём речь?

Я кивнула. Всё ясно. У каждого мига — своя картинка. И у человека тоже. Малейшее изменение в сознании, и ты — другой. Взять, например, меня. До пятнадцати лет сидела в болоте. Вокруг колыхалась мёртвая вода, в голове — застой. Казалось, кроме болота и нет ничего. Стоило подтянуться, подняться на кочку, как всё изменилось. Я увидела лес, поляну с цветами, почувствовала дуновение ветра. Это что —

новая жизнь? Но она была раньше. Где-то рядом. И трясина была. И я — в ней. Жуткое испытание. Может, это — расплата? За мои мысли, ненависть, злые слова.

Однако в любом болоте есть дно. Это очевидно. В каком-то близко, в каком-то далеко. Мне повезло. Я выползла на поверхность и увидела свет. Но зачем?

Я взглянула на Медведицу. Та же прозрачная вода, те же кувшинки, тот же песок. И в то же время другие. Река — тоже живое существо.

— Веришь в Бога? — спросил Андрей.

— А ты? — вопросом на вопрос ответила я.

Андрей просветлел лицом.

— Верю.

Во мне шевельнулась зависть. И я хочу верить. Старые мысли ушли, а новые… они — сырые, незрелые.

— Можешь ответить на вопрос? — спросила я. — Есть ли смысл у страданий?

Покосившись на меня, Андрей сказал:

— Однажды Будду спросили: «Отчего происходят страдания?» Он ответил рассказом: «Охотника поразили стрелой. Он застонал и упал. Нужно ли в этот момент спрашивать, откуда стрела, и из чего она сделана? Конечно, нет. Охотник постарается извлечь стрелу и встать на ноги». Так же и в жизни. Если человек страдает, надо вынуть стрелу, а потом задавать вопросы.

То ли день был такой, то ли в воздухе витало что-то осо-

бое, но разговор получился серьёзным. Андрей говорил, я слушала.

Однако что-то отвлекало. Может, дурное предчувствие?

Ни одного слова о матери, только отвлечённые темы.

Андрей смотрел на реку и рассказывал о себе.

— Когда-то я был другим. Жил для внешнего мира, отдавал ему своё время. Меня волновали успех, внешний вид, мнения окружающих. Что сказали? Как посмотрели? О чём думают?

Я ощутила боль. Она появилась в груди и рвалась наружу. Будто нарыв.

— Полное рабство. Понимаешь?

Я кивнула. Знакомое состояние.

— Потом умер сын. Я погрузился в себя и неожиданно понял: внутреннее видение и есть моя суть. Его невозможно достичь, пока мысли и действия подчинены внешнему миру.

Андрей взглянул на меня. Дескать, понимаю, о чём идёт речь? Затем добавил:

— Знаю, о чём думаешь. Дескать, мне бы твои заботы. Встать бы на ноги, пойти…

Я промолчала. Что говорить? Кто не болел, не поймёт. Как бы хотелось пожить в мире, из которого ушёл Андрей. Посмотреть на людей, пообщаться, куда-то бежать, с кем-то спорить. Хотелось бы уставать от движений, недосыпа, толпы, многолюдности, шума, суеты. Андрею легко говорить — он свободен. Захотел, вышел на люди; захотел, погрузился в

себя.

— Уйдя от внешнего мира, я услышал тишину.

Андрей встал с травы и поднял руки. Казалось, потянулся к облакам. Или к солнцу. А может, к Вселенной? Не оборачиваясь, добавил:

— Тишина — голос души.

«Вот удивил, — подумала я. — Если верить словам Андрея, душа безмолвна. Ну уж, нет. Я-то знаю, как она многословна. Бубнит и бубнит целыми днями».

Андрей посадил меня в коляску, и мы поехали к деревне. И в это время раздался звонок. Андрей достал мобильник.

— Слушаю, — сказал он.

Одно только слово, за ним — тишина. Ни крика петухов, ни мычания коров, ни плеска реки. Я напряглась.

«Почему он молчит? Почему не отвечает?»

На меня опустился страх. Чёрный, липкий, будто горячий асфальт.

— Понял, — наконец отозвался Андрей. — К вечеру приеду. Раньше не получится. Я далеко — за триста километров от Москвы.

Андрей дал отбой и застыл. Я чувствовала, что этот звонок связан с матерью. Я была в этом уверена.

Ошеломлённо взглянув на меня, Андрей глухо сказал:

— Лариса умерла.

Тело пронзила судорога, к горлу подошла тошнота.

Не-е-е-е-е-ет!!! Не может быть! Не верю!

Я попыталась встать.

Как бы ни так.

«Мать! Ты не могла умереть! КАК ЖЕ ТЕПЕРЬ Я?»

— Вчера отвёз Ларису в больницу, — пробормотал Андрей. — Хирург сказал, перитонит. Опасно — да, но, чтобы угроза смерти… — нет, такого не говорил.

Мы подъехали к дому, и взгляд упёрся в наполненный яблоками таз.

— Гляньте сюда. Разве не красота?! — воскликнула Аня.

Да уж. Яблоки из сказки о мёртвой царевне.

Путь в Москву помню плохо. В памяти остались руки Андрея, вцепившиеся в руль, и плач Ани. И ещё песня Высоцкого. Она вырвалась из приёмника, когда машина выехала из деревни.

Я несла свою беду по весеннему по льду.

Надломился лёд, душа оборвалася.

Камнем под воду пошла, а беда — хоть тяжела,

Да за острые края задержалася…

29 декабря

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Ночь. За окном — две звёзды. Будто глаза. Тёплые и живые.

— Мама-а-а, — крикнула я. — Не уходи-и-и-и!

Ветер открыл окно, забились занавески. Стекло раствори-

лось, и мощные потоки воздуха заполнили грудь. Я вылетела в окно, как птица.

— Лечу-у-у-у!

Внизу проносились равнины, леса, реки. Не успев насладиться полётом, пошла на снижение. Ноги дотронулись до земли, побежали. Медленней, ещё медленней… Бег перешёл на шаг. Я оглянулась. Среди леса мелькнула тропа. Она вела к узкой полоске пляжа.

Я села на камень и заплакала. Я плакала не от жалости к себе. И не от боли. Я плакала от счастья. Огромное, бесконечное счастье окружало меня. И мне хотелось стать лучше и чище. Хотелось стать такой же светлой, как это озеро, как эта земля, как это прозрачное небо.

30 декабря, день

Здравствуй, Отец! Это я — Таша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.